

Бескрайние ряды книжных полк, старинное оружие, струящийся духовный свет, величественные павильоны... Всё вокруг в слепящем сиянии стремительно становилось призрачным, искажалось и рассеивалось.

Ощущение невесомости мягко окутало всё тело.

В следующее мгновение все пятеро одновременно рухнули в бескрайнюю и безграничную чистую белую иллюзию, похожую на дымку и туман.

Иллюзорное Пространство Вопрошающего Сердца официально явилось.

Белая иллюзия была бескрайней и безграничной, словно дым и туман, без неба и земли, без начала и конца.

В следующий мгновение мягкий белый свет внезапно рассеялся. Каждая из пяти фигур была увлечена мягкой, но непреодолимой силой и втянута в принадлежащее лишь ей душевное состояние.

Один человек — одно пространство, один сон — одно испытание.

Все они изначально шли каждый своей дорогой:

Кто-то полагался друг на друга, чтобы выжить, кто-то шел рука об руку со своими сородичами по секте, а кто-то в одиночку странствовал по белу свету.

Именно случайная встреча в городке Цинъюнь свела их пятерых вместе, заставив вместе пройти через жизнь и смерть.

А Зеркало Сердца отражало именно это: их прежнее одиночество и горести до этой встречи и взаимное спасение после нее.

[Цин У · Испытание Сердца: Стройничество и защита]

Цин У рухнул в бескрайнюю глушь.

Ночевки под открытым небом, туманная дорога впереди — это были те дни долгих странствий и скитаний, когда они с Хуа Чжао еще не встретили своих попутчиков.

Будучи сиротой пути Дао, без секты, без опоры и без пристанища, он жил лишь с одним навязчивым желанием — защитить единственного близкого человека рядом с собой.

Внутренний демон шептал в ветре:

— Ты слишком слаб, чтобы защитить ее.

— Вы вечно будете скитаться без кола и двора.

Но в иллюзии внезапно вспыхнул слабый свет —

Он увидел ту самую встречу за пределами городка Цинъюнь,

Увидел тот момент, когда появились Гу Юньхао, Су Цинъя и одинокая Вэнь Чжией.

Больше они не были двумя беспомощными людьми.

На ладони Цин У ярко вспыхнуло Зеркало Чистого Сердца без Изъяна, и его голос прозвучал спокойно и твердо:

— Когда-то я скитался без пристанища.

Но встреча в городке Цинъюнь дала мне понять:

Мы больше не сражаемся в одиночку.

Отныне я защищаю не только ее, но и тех, кто идет со мной рядом.

Дикая равнина рассеялась, иллюзия разбилась.

[Хуа Чжао · Испытание Сердца: Тревога и пристанище]

Хуа Чжао рухнула в непроглядную темноту и тишину.

Это был самый глубокий страх времен ее скитаний с Цин У — страх потеряться, страх быть брошенной, страх остаться без всякой опоры.

С самого детства у нее был только Цин У, она боялась незнакомцев и тревожилась о будущем.

Но в темноте медленно проступили фигуры тех, кто шел с ней одной дорогой:

Сдержанный Гу Юньхао, холодная, но надежная Су Цинъя, мягкая и терпеливая Вэнь Чжией.

Те, кто изначально были чужаками, плечом к плечу шли с ней в городке Цинъюнь, подарив ей невиданное прежде спокойствие.

Одной рукой она крепко сжимала Золотой Замок на груди, а другой — Жемчужину Духовного Питания Цинлин на ладони. Золотой и зеленый лучи света слились на ее кончиках пальцев, и

она тихо, но невероятно твердо произнесла:

— Раньше я боялась одиночества.

Но теперь вы есть у меня.

У меня есть дом, и мне больше не страшно.

Темнота отступила, явился свет.

[Су Цинъя · Испытание Сердца: Холодность и узы]

Су Цинъя рухнула в засыпанный снегом павильон меча.

Это было место, где она практиковалась с самого детства — Павильон Иньсяо.

Правила секты были суровы, а практика — отрешенной и гордой, с юных лет она привыкла ходить сама по себе, чуждаясь душевного тепла и не привязываясь к узам, всецело стремясь к мечу.

Хотя они с Гу Юньхао и были соучениками, они всегда соблюдали дистанцию приличий, будучи ни близки, ни далеки.

Но иллюзия перевернулась, и в метели проявились картины их совместного пути в городке Цинъюнь:

Естественное понимание с Гу Юньхао, неожиданная слаженность с Вэнь Чжияй, взаимное доверие с Цин У и Хуа Чжао.

Та встреча впервые согрела ее заледеневшее сердце теплом товарищей.

Холодный взгляд Су Цинъя слегка потеплел, а тон был холодным, но искренним:

— Я думала, что для совершенствования достаточно одиночества.

Но путь через городок Цинъюнь дал мне понять:

Путь меча не одинок, потому что на нем есть попутчики.

Лед и снег растаяли, иллюзия рассеялась.

[Гу Юньхао · Испытание Сердца: Соученики и первоначальный замысел]

Гу Юньхао оказался на длинных ступнях испытаний Павильона Иньсяо.

Будучи учеником Павильона Иньсяо, он нес на себе надежды секты, каждое его слово и движение подчинялись строгим правилам. Хотя они с Су Цинъя и были знакомы с детства, он соблюдал лишь правила соучеников, не смея проявлять и капли лишних чувств.

Внутренний демон спросил его:

— Великое Дао впереди, к чему тебе товарищи?

— Следовать правилам или следовать зову сердца?

Но в следующий момент перед ним возникла картина воссоединения пятерых в городке Цинъюнь.

Его узы соученика с Су Цинъя, знакомство с Вэнь Чжиюй и встреча с Цин У и Хуа Чжао принесли ему озарение:

Связь соучеников — по воле судьбы, товарищи — это выбор, а попутчики на Дао — по зову сердца.

Голос Гу Юньхао был ровным, а каждое слово — отчетливым:

— Я был скован правилами секты.

Но теперь я знаю:

Великое Дао не одиноко, единомышленники бесценны, а от товарищей не отрекаются.

[Вэнь Чжиюй · Испытание Сердца: Одинокий путь и плечом к плечу]

Вэнь Чжиюй упала в тихий и уединенный дворик.

Всю жизнь она совершенствовалась в одиночку и проходила через испытания в одиночку, привыкнув путешествовать в одиночестве, одной встречать опасность и ни от кого не зависеть.

Она всегда думала, что совершенствование — это по сути одинокий путь.

Но в иллюзии появилась та встреча в городке Цинъюнь.

Четверо незнакомцев встали с ней плечом к плечу, вместе сражаясь с врагами, исцеляя раны и двигаясь вперед.

Та встреча впервые позволила ей, привыкшей ходить в одиночку, ощутить уверенность от того, что кто-то рядом.

Брови и глаза Вэнь Чжиюй были мягкими и твердыми:

— Я привыкла ходить в одиночку.

Но теперь я больше хочу идти с вами одной дорогой.

Чистая белая иллюзия снова сомкнулась.

Пять фигур вышли из своих испытаний сердца, переглянулись и сразу поняли все прошлые дни и стойкость друг друга.

Зеркало Сердца парил высоко наверху, проливая мягкий свет, смывая всю пыль мира и внутренних демонов.

Духовная энергия пятерых резонировала, их сердца бились в унисон, не оставив ни малейшей преграды.

После этого испытания они перестали быть просто попутчиками.

Они стали —

Единомышленниками, едиными сердцем, идущими к одной цели.

Тени уединенного дворика рассеялись, внутренние демоны полностью исчезли.

Иллюзия длинной лестницы испытаний со грохотом рухнула.

Иллюзия рассеялась, белый свет схлынул.

Все пятеро снова встали на массив в центре Павильона Свитков, аура духовной энергии вокруг них была чистой, как после омовения, а их душевное состояние — яснее и тверже, чем когда-либо прежде.

Зеркало Сердца парило в воздухе, мягкий свет медленно угасал, поверхность зеркала больше не пылала жаром, зато обрела теплую связь, сроднившейся с их кровью.

Ладонь Цин У слегка потеплела, Зеркало Чистого Сердца без Изъяна мягко опустилось обратно в его руку, полностью слившись с силой Зеркала Сердца;

Жемчужина Духовного Питания Цинлин на груди Хуа Чжао слегка засияла, тревога рассеялась, оставив лишь покой;

Холод Кнута, Заковывающего Душу Морозным Инеем на запястье Су Цинъя ушел внутрь, а в

остроте проступил оттенок намерения защищать;

Безымянная Книга Небесного Развития и Печать Тайного Мира Пустоты в рукаве Гу Юньхао одновременно легко завибрировали, а узоры Дао стали еще четче;

Нефритовое Перо, Воплощающее Дух на кончиках пальцев Вэнь Чжиюй засияло духовным светом, а ее постижение Пути Массивов поднялось на новый уровень.

Только что в иллюзии их прошлое, наваждения, страхи и первоначальные замыслы отразились один за другим.

И теперь, когда внутренние демоны исчезли, пятеро переглянулись, и им не нужны были слова, чтобы понять друг друга.

Гу Юньхао поднял взгляд на верхние ярусы Павильона Свитков, и его голос прозвучал уверенно:

— Испытание Сердца пройдено, мы можем двигаться дальше.

Су Цинъя негромко произнесла:

— Выше девятого этажа находится истинное сокровище Павильона Свитков.

Вэнь Чжиюй мягко кивнула:

— Дойти досюда — уже признание небес и секты.

Хуа Чжао подняла личико, в глубине ее глаз мерцал мягкий свет, и она крепко ухватила Цин У за рукав.

Цин У опустил взгляд, тепло улыбнулся ей, а когда поднял глаза снова, его взгляд был тверд:

— Пойдем, поднимемся вместе.

Пятеро шагали в ногу, медленно двигаясь вверх по винтовой каменной лестнице павильона.

Один этаж, два, три...

Чем выше они поднимались, тем гуще и насыщеннее становилась духовная энергия, древние свитки и трактаты делались всё более редкими, а магическое сияние артефактов — всё более сдержанным и глубоким.

На книжных полках по обе стороны больше не лежали обычные техники и секретные искусства — там хранились непередаваемые тайны, передававшиеся в Секте Линсяо тысячелетиями, записи об древних руинах и подлинные озарения великого Дао.

Обычные ученики за всю свою жизнь могли так и не ступить выше третьего этажа.

А они шли без единой преграды, напрямиком к девятому этажу.

Наконец, когда последняя ступенька осталась позади, все пятеро одновременно шагнули на девятый этаж Павильона Свитков.

Верхний этаж был невелик, но необычайно просторен.

Никаких плотных рядов книжных полк, никаких пестрых сокровищ.

Лишь в самом центре парил сгусток медленно вращающегося хаотичного духовного света, похожий на только что рожденную звезду или зародившееся Дао.

В сердце этого сияния тихо паром висели пять предметов с приглушенным сиянием, словно они ждали их здесь долгие тысячелетия.

Слева — древний свиток Канон Мириадов Массивов, узоры массива струились по нему, и чтобы задействовать его, требовалось единодушие пятерых, чья мощь могла сотрясти сильного врага и защитить все стороны света;

Перед Цин У — Печать Защитного Лотоса Сердца, дополняющая Зеркало Чистого Сердца без Изъяна и способная очистить любую скверну и внутренних демонов;

Перед Хуа Чжао — Божественное Семя Успокоения Души, посаженное в землю, оно могло взрастить духовное дерево, успокоить разум и защитить тело;

Перед Су Цинъя — Ледяное Сердце Меча, способное закалить намерение меча и объединиться с Кнотом, Заковывающим Душу Морозным Инеем, достигнув вершины пути льда;

Перед Гу Юньхао — Звездный Жетоны Мира, способный призвать силу пустоты и объединить Безымянную Книгу Небесного Развития и Печать Тайного Мира Пустоты, стерева преграды на пути пространственного Дао;

Перед Вэнь Чжиюй — свиток Канон Мириадов Массивов, вмещающий в себя все массивы неба и земли, превращающий мысль в массив, а движение — в испытание.

А в самом центре этого хаотичного духовного света парила маленькая, древняя и простая нефритовая пластина.

На пластине было выбито всего одно слово:

Единство.

Гу Юньхао тихо произнес, и в его голосе послышалось проблеск озарения:

— Оказывается, величайшей возможностью на девятом этаже Павильона Свитков никогда не было какое-то высшее сокровище или секретная техника.

Брови и глаза Вэнь Чжиюй смягчились, и она тихо подхватила:

— Это понимание того, что единое сердце, единый путь и совместный путь — сильнейшее Дао.

Холодный взгляд Су Цинъя слегка потеплел, и она неожиданно произнесла чуть больше обычного:

— Один человек идет быстро, а впятером — далеко.

Хуа Чжао подняла голову, глядя на табличку со словом «Единство», и тихо, но искренне произнесла:

— Я хочу всегда быть со всеми вами.

Цин У посмотрел на четверых спутников, и в глубине его глаз засияло мягкое и твердое чувство:

— С того самого момента, как мы встретились в городке Цинъюнь, мы стали единым целым.

Все пятеро одновременно подняли руки, мягко касаясь сгустка хаотичного духовного света.

В тот же миг —

Небесный свет взмыл ввысь с крыши Павильона Свитков, пронзая облака и озаряя всю Секту Линсяо!

Море облаков заволновалось, духовные жилы задрожали, все ученики секты были потрясены, поднимая головы к этому редкому за тысячелетие чуду.

В Зале Старейшин лица старейшин дрогнули:

— Это... девятый этаж Павильона Свитков полностью открылся, знак Единодушия Пяти Духов!

— Будущее этих пятерых неизмеримо!

— Наша Секта Линсяо обретет былое процветание!

За воротами секты, в далеком горном лесу, толпа спасенных ими девушек смотрела в сторону Секты Линсяо, сложив руки на груди, полная благодарности и благословений.

А в уголке секты, в тени толпы.

Лин Сюэвэй смотрела на это потрясающее сияние, крепко сжимая рукав, чувствуя кислую горечь и переполнявшую ее досаду в сердце.

С детства она была окружена любовью в секте и всегда оставалась в центре внимания, но теперь она даже не смогла переступить порог Павильона Свитков, в то время как те пятеро добрались прямиком до вершины павильона, вызвав невиданное за тысячу лет чудо.

Это была не злоба, а лишь обида и непокорность избалованной девушки, которую внезапно затмили.

Эта досада — лишь маленький каприз еще не до конца окрепшего характера.

Девятый этаж Павильона Свитков.

Духовный свет медленно опустился, и пять сокровищ достались каждому из пятерых, мягко слившись с их истинными сокровищами.

Древняя пластина со словом «Единство» разделилась на пять частей, превратившись в пять крошечных знаков единства, которые мягко опустились на межбровье каждого из пятерых и мгновенно исчезли.

С этого момента их судьбы были связаны, сердца бились в унисон, а в минуты опасности они могли чувствовать друг друга и защищать друг друга.

Гу Юньхао поднял руку, и на его межбровье мелькнул слабый свет:

— Испытание Сердца пройдено, единство сердец заключено.

Цин У тихо произнес:

— Отныне мы делим и бурю, и шторм, и никогда не расстанемся.

Су Цинъя, Вэнь Чжияй и Хуа Чжао одновременно подняли головы и переглянулись с улыбкой.

Когда свет окончательно угас, пятеро повернулись и вместе вышли из Павильона Свитков.

Снаружи их уже ждали несколько старейшин и учеников секты. Увидев их сияющие ауры и преобразившийся облик, все выказали глубокое уважение и поспешили вперед, чтобы приветствовать их с подобающими почестями.

Старейшина во главе погладил бороду и улыбнулся, лично препроводив их в зал. Там уже были приготовлены чай и сладости, их принимали по высшему разряду секты, расточая признание и

похвалу и даже упоминая о внесении их подвигов в летопись секты.

В стороне же, в углу, стояла Лин Сюэвэй, слегка сжав кончики пальцев.

Глядя на то, как вокруг этой пятерки все суетятся, словно вокруг звезд, и вспоминая, что она не смогла переступить даже порог первого этажа Павильона Свитков, ее сердце было полно обиды и досады, ее личико напряглось, а в глазах читалось свойственное юности упрямство, но она лишь молча наблюдала, не говоря больше ни слова.

После короткого приема и отдыха пятеро не захотели долго утруждать хозяев и поднялись, чтобы попрощаться.

Старейшина не стал их удерживать, лишь подарил им несколько жетонов передачи звука со напутствием:

— Путь впереди долог, если столкнетесь с опасностью, можете передать весть с помощью этого жетона, и секта изо всех сил придет на помощь.

Гу Юньхао тихо произнес:

— Пойдемте.

Су Цинъя слегка кивнула, на лице Вэнь Чжияй играла улыбка, а Хуа Чжао по-прежнему крепко держала Цин У за рукав.

Пятеро шагали в ногу и под полные уважения взгляды сородичей двинулись плечом к плечу навстречу глубокому солнечному свету.

За окном бурлило море облаков, и сиял мириадами лучей закат.

Павильон Свитков дышал древностью, свидетельствуя о том, как эти пятеро воистину вступили на Путь.

Их история началась со случайной встречи в городке Цинъюнь, прошла через скитания по глубоким долинам, смертельные схватки в тайных мирах, спасение в мире смертных и познание собственного я в Испытании Сердца, чтобы наконец встретить новое начало на вершине Павильона Свитков Секты Линсяо.

А их легенда только-только начиналась.

Попрощавшись со старейшинами секты, пятеро вместе ступили на дорогу, ведущую вниз с горы.

В горных ветрах было свежо, солнечный свет пробивался сквозь слои ветвей и листьев пятнистыми бликами, вокруг стояла тишина, и слышны были лишь легкие шаги по каменным ступеням, ровные и размеренные.

Хуа Чжао шла не слишком быстро — в Иллюзорном Пространстве Вопрошающего Сердца она потратила немало душевных сил, и сейчас ее лицо все еще хранило легкую бледность. Цин У естественным образом замедлил шаг, неизменно держась с ней рядом — не близко и не далеко, но как раз на таком расстоянии, чтобы в момент, когда она слегка качнется, успеть вовремя поддержать ее за руку, а когда она выглядела уставшей — вовремя протянуть сладкий духовный фрукт или мягкое пирожное.

— Устала? — тихо спросил он, и его голос был легок, как ветер.

Хуа Чжао легко покачала головой, поднимая на него взгляд, ее чистые глаза все еще хранили мягкость после иллюзии:

— Всё в порядке, старший брат, с тобой я не устаю.

Эта короткая и очень мягкая фраза скользнула по сердцу, словно теплый ветерок.

Цин У на миг задержал дыхание в горле, лишь легко произнес:

— Угу, — и протянул руку, чтобы убрать мешающие ей ветви, сделав это совершенно незаметно и нежно.

Чуть впереди Гу Юньхао и Су Цинъя шли плечом к плечу.

Оба отличались холодным нравом и немногословием, но между ними царило то особое понимание, в которое никто другой не мог вмешаться. Проходя по крутому участку каменной лестницы, он незаметно развернулся, загораживая ее от свисавших в стороне колючих лиан так естественно, будто делал это уже тысячу раз.

Взгляд Су Цинъя слегка дрогнул, и она чуть кивнула в знак безмолвной благодарности.

Лишних слов не требовалось, хватило одного взгляда.

Вэнь Чжиюй шла посередине, мягко улыбаясь и время от времени оглядываясь на двоих позади, в глубине ее глаз пряталось понимание и легкая улыбка.

— Когда спустимся с горы, сначала найдем где передохнуть, — мягко произнесла она. — Вы только что из иллюзии, всем нужно прийти в себя.

Никто не возражал.

— Можно будет отдохнуть! — глаза Хуа Чжао слегка блеснули, и она тихо отозвалась.

Среди них пятерых: Цин У заботливо оберегал Хуа Чжао, Гу Юньхао и Су Цинъя поддерживали друг друга, а Вэнь Чжияй мягко гармонизировала атмосферу. Проходя этот путь вместе, они излучали невыразимое спокойствие и слаженность, словно были товарищами, идущими рука об руку уже сотню лет.

Добравшись до ворот горной обители, Хуа Чжао невольно подняла взгляд и издалека заметила фигуру, стоявшую в тени угла зала.

Это была та самая младшая соученица, чей вид в зале был донельзя недовольным.

Она по-прежнему держалась с тем же высокомерным видом, прижав руки по бокам, и во взгляде, брошенном на их процессию, все еще таилась доля своеправия и досады. Однако в этом взгляде не было ни капли злобы — вероятно, это были лишь капризы избалованной, привыкшей к всеобщему вниманию девушки, чья гордыня была задета лишь на мгновение.

Хуа Чжао лишь легко взглянула на нее и отвела глаза.

Для нее этот человек был не более чем попутчиком, мимо которого они прошли в пути, и не стоило принимать его близко к сердцу.

Младшая соученица стояла вдали, глядя на удаляющиеся спины пятерых.

Она злилась, завидовала и была полна обиды — с чего это вдруг какие-то новички смогли так легко добиться столь высокого признания и почтения со стороны всей секты.

Но она все же отличала главное от второстепенного и понимала, что к чему.

Если однажды секте грозила бы беда и перед лицом внешнего врага, то пусть даже в ее сердце жила обида, она все равно расставила бы приоритеты и защитила общие интересы, ни за что не став обузой для всей секты из-за личной неприязни.

Просто сейчас обо всем этом не нужно было говорить.

Каменная лестница вилась змейкой, и фигуры пятерых постепенно исчезали в конце горной тропы.

Путь впереди долог, горы и реки бескрайни, а новое путешествие только-только начиналось.

Хуа Чжао неосознанно подняла руку, мягко прижав ладонь к груди.

Почему-то в последнее время ей казалось, что внутри нее словно спит что-то тихо дремлющее, но при этом легко шевелящееся при каждом удобном случае.

Словно какая-то древняя и мягкая сила ждала подходящего момента, чтобы тихо пробудиться.

Когда они дошли до средней части горной тропы, окружающие деревья стали еще гуще, и даже звук ветра немного стих.

Внезапно легкий белый туман бесшумно поплыл из леса, похожий на дым и нити, и в одно мгновение полностью окутал всю пятерку.

Цин У сработал почти инстинктивно, резко прикрыв Хуа Чжао спиной, его пальцы мгновенно собрали духовную силу, а лицо стало холодным и настороженным. Гу Юньхао и Су Цинъя одновременно вытащили мечи из ножен, являя холодный свет и скрытую остроту. Вэнь Чжияй тоже шагнула вперед, прикрывая Хуа Чжао и Су Цинъя с тыла и тревожно вглядываясь в клубящийся туман.

Но в этом тумане не было ни малейшей убийственной ауры или злого умысла, он лишь мягко взметнулся перед ними, и свет с тенями медленно рассеялся, формируя стройную и прямую фигуру.

Перед всеми стоял юноша в простой одежде с чистыми чертами лица, чья аура была проворной и чистой, а взгляд излучал мягкость и покладистость — с первого взгляда было очевидно, что в нем нет враждебности.

Все замерли, не узнавая этого человека.

— Ты кто? — холодно спросил Цин У, не ослабляя руку, защищающую Хуа Чжао.

Юноша с улыбкой сощурил глаза, его тон был искренним и открытым, без малейшего умысла скрыть что-либо:

— Благодетели неужто и впрямь не помнят меня? Несколько дней назад я пострадал от рук недоброжелателей и чуть не погиб, и лишь благодаря тому, что вы протянули руку помощи, мне удалось выжить. Тогда я еще не принял человеческий облик и был всего лишь раненым маленьким лисенком. Меня зовут Лин Си.

Как только эти слова прозвучали, Хуа Чжао слегка пришла в себя.

Она вспомнила того белоснежного лисенка, которого сберегла в лесу в тот день, и бдительность в ее глазах незаметно рассеялась, сменившись мягкостью. Цин У тоже слегка сбавил духовную силу, и окружавшая его холодная аура поутихла.

Взгляд Лин Си мягко опустился на Вэнь Чжиюй, кончики его ушей слегка покраснели, а голос сам собой стал тише:

— В тот день... именно эта бессмертная лично перевязала мне раны и дала пилюлю. Я запомнил это и не смею забывать.

Вэнь Чжиюй замерла, а затем мягко улыбнулась, и ее глаза стали мягкими, как весенний весенний дождь:

— Оказываешься ты. Тогда я видела, что ты тяжело ранен, это было лишь проявлением мимолетной помощи, не принимай близко к сердцу.

От этих слов сердце Лин Си слегка потеплело, щеки покраснелись еще сильнее, и он поспешно опустил голову.

— Сегодня я жду здесь, чтобы отблагодарить за добро, — Лин Си поднял руку, указывая на окутанные туманом дали, и его взгляд был серьезен. — Я принадлежу к клану лисиц Цинцю, и это место недалеко от Цинцю. Там изобильна духовная энергия, царит покой и уединение, что как раз подходит для вашего отдыха. Я нарочно пришел, чтобы пригласить всех последовать за мной в Цинцю и погостить там.

Хуа Чжао подняла голову, глядя на Цин У, в ее глазах читался немой вопрос.

Цин У изумленно смотрел на юношу некоторое время, видя его ясный и открытый взгляд без слека лукавства, а затем, окинув взглядом туманную дорогу впереди и неизвестные опасности, все же медленно кивнул:

— Веди.

Услышав это, уголки глаз и брови юноши мгновенно изогнулись в улыбку, а пара белоснежных лисьих ушек на макушке то появлялась, то исчезала, будучи такой подвижной и послушной, что не вызвала ни капли подозрений. Он резво шел впереди, указывая дорогу и то и дело оглядываясь, чтобы убедиться, что все идут за ним, и каждое его движение сочилось искренней благодарностью.

Туман в лесу постепенно рассеивался, солнечный свет пробивался сквозь листву, рассыпаясь золотыми крошками по извилистой тропинке впереди.

Хуа Чжао смотрела на спину юноши, и в ее сердце шевельнулось какое-то чувство.